

EDN: ERTPXU
УДК 343.211.6–048.66

Anti-Crime Policy as a New Paradigm for Interaction Between Society and the State

Irina A. Damm*

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 03.11.2023, received in revised form 24.12.2023, accepted 25.12.2023

Abstract. Crime is a complex social and legal phenomenon, the impact on which by criminal legal means alone cannot achieve the goals of its prevention. This thesis is not deemed controversial, but for many centuries the search for effective models of influencing crime in order to protect objects of criminal legal protection from criminal attacks has not been successful. The crime prevention system remains focused on ensuring the inevitability of punishment, but not on preventing harm to significant social values. Modern criminal policy is in a state of crisis, which is recognized by leading domestic scientists, and such a crisis should become a catalyst for a new round of scientific research. One of the promising areas of research studies is the knowledge of the systemic and structural characteristics of interaction between society and the state in matters of combating crime. In the established scientific tradition, the main subject of criminal policy is the state, due to its authority to determine criminal law prohibitions and ensure the inevitability of punishment for their violation. However, in preventive activities, not only coercive measures, but also incentive measures should be used in a balanced manner. In turn, society and its structures are significant subjects in the implementation of measures to stimulate lawful behavior, as well as to prevent criminal manifestations. The joint management activities of society and the state form a policy to combat crime. Accordingly, in the structure of the anti-crime policy, interconnected elements are the state anti-crime policy and the public anti-crime policy. These policies are interconnected and interdependent, but not identical. History shows that state policy can contradict the interests of society and lead to various social upheavals (wars, revolutions, genocide and others), which are characterized by qualitative and quantitative changes in the state of crime. Special scientific attention should be given to the issues of understanding the reserves of society and its structures in influencing crime, as well as the search for ways of interaction between society and the state in determining the policy of combating crime, including criminal law policy.

Keywords: crime, politics, fight, prevention, counteracting crime, public policy, criminal policy, anti-crime policy.

Research area: criminal law.

Citation: Damm I. A. Anti-crime policy as a new paradigm for interaction between society and the state. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(1), 12–27. EDN: ERTPXU

Политика противодействия преступности как новая парадигма взаимодействия общества и государства

И.А. Дамм

*Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск*

Аннотация. Преступность представляет собой сложный социально-правовой феномен, воздействие на который одними лишь уголовно-правовыми средствами не может достигнуть целей ее предупреждения. Этот тезис не относится к числу дискуссионных, однако уже на протяжении многих столетий поиски эффективных моделей воздействия на преступность с целью защиты объектов уголовно-правовой охраны от преступных посягательств успехом так и не увенчались. Система предупреждения преступности остается ориентированной на обеспечение неотвратимости наказания, но не на предотвращение причинения вреда значимым социальным ценностям. Современная уголовная политика находится в состоянии кризиса, что признается ведущими отечественными учеными, и такой кризис должен стать катализатором для нового витка научных изысканий. Одним из перспективных направлений научных исследований выступает познание системно-структурных характеристик взаимодействия общества и государства в вопросах противодействия преступности. В сложившейся научной традиции основным субъектом уголовной политики называют государство, в силу наличия у него властных полномочий по определению уголовно-правовых запретов и обеспечению неотвратимости наказания за их нарушение. Однако в предупредительной деятельности должны сбалансированно использоваться не только меры принуждения, но и меры стимулирования. В свою очередь, значимыми субъектами реализации мер стимулирования правомерного поведения, а также предупреждения преступных проявлений выступают общество и его структуры. Совместная управляющая деятельность общества и государства образует политику противодействия преступности. Соответственно, в структуре политики противодействия преступности взаимосвязанными элементами выступают государственная политика противодействия преступности и общественная политика противодействия преступности. Названные политики взаимосвязаны и взаимозависимы, но не тождественны. История свидетельствует, что политика государства может противоречить интересам общества и привести к различным социальным потрясениям (войны, революции, геноцид и другие), которые характеризуются качественными и количественными изменениями состояния преступности. Отдельному научному вниманию подлежат вопросы познания резервов общества и его структур в воздействии на преступность, а также поиск способов взаимодействия общества и государства в определении политики противодействия преступности, в том числе уголовно-правовой политики.

Ключевые слова: преступность, политика, борьба, предупреждение, противодействие преступности, государственная политика, уголовная политика, политика противодействия преступности.

Научная специальность: 5.1.4 – уголовно-правовые науки.

Цитирование: Дамм И. А. Политика противодействия преступности как новая парадигма взаимодействия общества и государства. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(1), 12–27. EDN: ERTPXU

Введение в проблему исследования

Преступность традиционно относят к числу угроз национальной безопасности, что предопределяет особую роль государства в противодействии этому опасному социально-правовому явлению. Именно оно обладает необходимым комплексом ресурсов для обеспечения правовой и организационной основы противодействия преступности, для определения и реализации достаточных и эффективных мер в этом направлении, учитывающих потребности личности, общества и самого государства.

Устройство демократического правового государства предполагает создание достаточного количества механизмов народовластия, уравнивающих интересы общества в целом и его различных структур в частности. Однако далеко не всегда интересы общества и государства находятся в необходимом для их устойчивого развития балансе. В таких случаях традиционные механизмы народовластия зачастую оказываются неспособными к урегулированию возникающих разногласий.

История знает многочисленные примеры использования государством сил и средств принуждения для подавления массового общественного недовольства его политикой. Революции и военные перевороты, заканчивающиеся захватом власти, являются ярким примером конфронтации действующей государственной власти с политически организованной частью общества. К числу менее очевидных, но не менее опасных способов получения властных полномочий следует отнести проникновение в государственные структуры преступных или тесно связанных с ними элементов. Паразитирование преступности на государственных структурах

приводит к искажению функций государства, а в случае массовой пораженности вполне может детерминировать противостояние общества и криминализованного государства. Соответственно, преступность – потенциальный источник опасности не только для общества, но и для государства.

Общество и государство выступают взаимосвязанными и взаимозависимыми субъектами общественно-политической жизни. Преступность – неотъемлемый негативный спутник общества и государства. Современное развитое общество немыслимо без государства, обеспечивающего различные общественные интересы, в том числе в защите от преступности. В свою очередь, социальная по своей природе преступность неизменно посягает на интересы личности, общества и государства. Соответственно, триада категорий «общество, государство и преступность» диалектична.

Сдерживание преступности на социально терпимом уровне, позволяющем обществу и государству мирно сосуществовать и развиваться, представляет собой их общую задачу. Обществу и государству необходимо согласованно определять приемлемый и адекватный объем мер воздействия на преступность, а также требуемые для этого ресурсные издержки. Именно совместная управляющая деятельность общества и государства обладает значимым потенциалом в обеспечении антикриминальной безопасности.

Концептологические основания исследования

Общество и государство традиционно относятся к самостоятельным субъектам политической системы. Однако в актуальных

исследованиях политической системы происходят значимые подвижки представлений о ее структуре. Так, если в советский период вопрос об отнесении государства к числу стержневых субъектов политической системы не вызывал сомнений (Alekseev, 1979: 148), то современные авторы отмечают тенденции развития равноправия общества и государства (Idrisova, 2003: 3) и даже исключения государства из такой системы (Raianov, 2003: 89–90). По мнению некоторых исследователей, «государство применительно к политической системе общества опосредованно выступает лишь некоторым регулятивным средством, позволяющим минимизировать элемент хаоса в возникающих в ней отношениях, обеспечивающим их стабильность» (Shatalov, 2022). Такое принижение роли государства представляется все же преждевременным. Как отмечается в специальной литературе, «политическая организация общества и право имманентны всякому человеческому общежитию, возникли вместе с человечеством и останутся до тех пор, пока будут жить люди» (Drobyshevskii, 2015: 4).

В современном философском дискурсе отмечается, что «тема взаимодействия общества и государства практически не обсуждается в литературе. Между тем это очень важная проблема, решение которой имеет не только теоретическое, но и практическое значение, так как смешение государственных и общественных задач нередко приводит к очень большим негативным последствиям» (Gobozov, 2011: 5). За рамками фундаментальных научных исследований остаются вопросы взаимодействия общества и государства в сфере противодействия преступности. И в особенности это касается политики противодействия преступности.

В научных кругах воздействие государства на преступность получило наименование «уголовная политика». В одной из первых фундаментальных работ «Задачи уголовной политики» (1894 г.) Франц фон Лист отмечал, что «уголовная политика означает систематическое собрание тех основных положений, сообразуясь с которыми государство должно вести борьбу с преступлением при посредстве наказания и родственных последнему

установлений» (List, 2023: 7–8). В свою очередь, «борьба с преступлением предполагает знание причин его и того действия, которое производит наказание. Вот почему научно обоснованная политика требует, чтобы в основание ее были положены данные уголовной биологии (антропологии) и уголовной социологии (статистики)» (List, 2023: 7).

В названной работе профессор фон Лист поднимает еще один важный вопрос о субъектах уголовной политики и разъясняет, что он имеет «в виду борьбу государства с преступлением. Другие возлагают эту задачу на общество». По мнению автора, оба понятия равнозначны, поскольку «в тесном и современном смысле только государство есть носитель и охранитель правопорядка, и только оно является субъектом и исполнителем наказания» (List, 2023: 8).

Разные подходы в определении субъектов уголовной политики наблюдаются и в современных исследованиях. Одни авторы относят к таковым государство. Так, А. И. Бойко полагает, что «уголовная политика – это комплекс идей и действий по борьбе с преступностью, охватывающий содержание, цели и направления специальных антикриминальных мер государства (законодательство, правоприменение, профилактика), а также согласование этих мер с более широкими социальными программами» (Boiko, 2008: 77). А. И. Коробеев считает, что «уголовная политика есть выработанная государством генеральная линия, определяющая основные направления, цели и средства воздействия на преступность путем формирования уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного законодательства, регулирования практики его применения, а также путем выработки и реализации мер, направленных на предупреждение преступлений» (Korobeev, 2019: 16). В. А. Маслов приходит к выводу, что уголовная политика – это «стратегическая деятельность государства по противодействию преступности в целях охраны прав и свобод личности» (Maslov, 2021: 106).

Другие авторы, помимо государства, прямо указывают в качестве субъектов уголовной политики также и институты

гражданского общества. Еще в советский период П. С. Дагель полагал, что «советская уголовная политика – это политика КПСС и Советского государства в сфере борьбы с преступностью. Она определяет основные направления, цели и средства борьбы с преступностью и выражается в партийных документах, нормах советского права и деятельности государственных органов, общественных организаций и всех трудящихся, направленной на эту борьбу» (Dagel, 1982: 5). Среди современных исследователей Г. Ю. Лесников считает, что «уголовная политика – это система принципов, политических и политико-правовых предписаний, правовых и иных социальных норм антикриминального цикла, криминологических программ и программ ресоциализации преступника, выработанных на научной основе и осуществляемых государством совместно с субъектами российского гражданского общества по обеспечению правопорядка, предупреждения и борьбы с преступностью, безопасности личности, в необходимых случаях – национальной безопасности» (Malinin, 2005: 20–21).

В современной научной литературе наметилась тенденция актуализации исследований содержания и терминологического аппарата политики воздействия на преступность. Например, В. К. Дуюнов полагает, что отождествление всей политики государства в сфере противодействия преступности с уголовной политикой и попытки «уместить» в содержание последней все усилия государства по противодействию преступности необоснованны (Duiunov, 2021: 25). Автор считает, что государственная политика противодействия преступности является составной частью и видом (подвидом) государственной социальной политики и представляет собой обусловленное социальной потребностью специальное направление деятельности государства (при участии и поддержке институтов гражданского общества и отдельных граждан), связанное с разработкой и реализацией стратегии и тактики (генеральной линии) организованного сопротивления преступности и иным правонарушениям (Duiunov, 2021: 23).

Следует отметить, что в начальной стадии своего содержательного наполнения,

а также определения места и роли в системе научного знания находятся такие категории, как «криминологическая политика» (Babaev & Pudovochkin, 2014), а также «антикриминальная политика» (Gorshenkov, 2016). Их соотношение между собой, а также с такими категориями, как «уголовная политика», «уголовно-правовая политика», «политика противодействия преступности», еще только актуализируется в научной литературе (Damm & Tarbagaev, 2023). В свою очередь, исследование субъектов указанных политик пока остается за рамками научных изысканий.

Вместе с тем палитра обозначенных теоретических подходов свидетельствует о наличии несколько противоречивого, но достаточного и надежного научного фундамента для поиска и построения новых концептуальных конструкций. При этом перспективным представляется познание сущности политики противодействия преступности, а также определение роли общества и государства в процессах ее формирования и реализации.

Постановка проблемы

На современном этапе развития науки и законодательства наблюдается не только содержательная, но и терминологическая разобщенность подходов к определению управления системой предупреждения преступности. Как уже отмечалось, в теории наук уголовно-правового цикла политика воздействия на преступность преимущественно именуется «уголовной политикой». В свою очередь, в законодательстве все чаще используется термин «противодействие преступности», значительно реже – «политика государства в области противодействия преступности». Термин «уголовная политика» в положениях законодательства вообще не применяется¹.

Указанная разобщенность обусловлена пагубной параллельностью процесса научных исследований воздействия на преступность и законотворческого процесса, что в конечном итоге приведет к созданию «колосса на глиняных ногах», не способного адекватно и сво-

¹ Мониторинг проводился путем введения поисковых запросов в разделе «Законодательство» СПС «Консультант Плюс».

евременно противостоять криминальным угрозам. Ведущие российские специалисты в области уголовного права отмечают, что «некоторые законодательные новеллы являются социально не обусловленным и теоретически не обоснованным вторжением в идеологию Уголовного кодекса РФ, поэтому они способны существенно подорвать его научные основы и оказать отрицательное влияние на качество уголовного законодательства» (Ragov, 2013: 32). В свою очередь, «уголовно-правовая политика как та часть уголовной политики, которая вырабатывает основные задачи, принципы, направления и цели уголовно-правового воздействия на преступность, а также средства их достижения, находится сейчас не только в состоянии глубокого кризиса, но и в известном смысле на распутье» (Korobeev, 2019: 4).

В современной науке на распутье находится не только уголовно-правовая политика. В таком состоянии вся система междисциплинарного научного знания, предметом которой выступает познание преступности и межотраслевых механизмов ее предупреждения. Традиционно предупреждение преступности относится к предмету криминологии. Однако в развитии общей теории предупреждения преступности, как и науки криминологии, наблюдаются признаки стагнации, обусловленные незавершенностью определения границ предметного содержания, а также методологии криминологии. Отсюда следует нерешенность вопросов места, содержания и функций криминологической политики, а также ее соотношения с уголовной политикой.

Дискутируя о месте и роли уголовной политики в структуре современного научного знания, некоторые авторы приходят к выводу, что использование термина «уголовная политика» в качестве общего применительно ко всем видам реагирования общества и государства на преступность архаично и не соответствует тенденциям развития отечественного законодательства, в котором последовательно используется термин «противодействие преступности». Придание уголовной политике статуса главенствующей в отношении иных видов политик воздействия на преступность является следстви-

ем вынужденной монополизации данного сегмента научных исследований в советский период представителями уголовного права ввиду неразвитости криминологии. Кроме того, в статусе таковой уголовной политике не удалось повнесочно закрепиться ни в науке, ни в законодательстве, ни в социально-политических документах (Damm & Tarbagaev, 2023: 406).

Вместе с тем фундаментальные исследования уголовной политики во взаимосвязи с достижениями общей теории предупреждения преступности, теории национальной безопасности, правовой теории мер безопасности, виктимологии, деликтологии и девиантологии создают добротную основу для обобщения накопленного массива научных знаний в единую общетеоретическую отрасль – теорию противодействия преступности. При этом значимым самостоятельным объектом научных исследований в данном направлении выступает политика противодействия преступности. В свою очередь, в структуре политики противодействия преступности особого внимания заслуживает познание функционала современного общества и его структур в предупреждении преступности.

Полноправным и основным субъектом политики противодействия преступности выступает государство в силу наличия у него права на установление общеобязательных правил поведения, а также аппарата принуждения. Но является ли государство единственным субъектом такой политики? Отсюда закономерно вытекают вопросы об относимости общества и его структур к числу самостоятельных субъектов политики противодействия преступности, а также о существовании общественной политики противодействия преступности как самостоятельного направления. Эти вопросы пока не становились предметом научных исследований. Возможно, данное направление исследований является тупиковым. Однако отрицательный результат – это тоже результат.

Обсуждение

Политика в переводе с греческого означает «наука и искусство государственного

управления» (Dictionary, 2001: 352). В процессе познания категория «политика» как полидисциплинарная научная категория стала обретать все больше смыслов. В современной научной литературе отмечается, что политика – это «сложное многоаспектное явление, которое представляет собой часть (сторону, элемент) общества и включает в себя политические субъекты, политические общественные отношения, политические институты, политические нормы, политическую культуру, политическое сознание, политическую деятельность и т.д.» (Shchepkin, 2016: 188).

Государственная политика, по мнению В. М. Родачина, «возникла вместе с образованием государства, выступая инструментом управления, средством консолидации финансовых, материальных, трудовых, информационных и иных ресурсов для решения назревших общественных проблем (внутренняя политика), выстраивания связей с другими государствами и народами (внешняя политика), организации вооруженных сил и действий (военная политика), а также стратегией управления, выражающей перспективные и наиболее важные цели, недостижимые в текущих условиях, в сочетании с программой мер по их претворению в жизнь». Исследуя генезис феномена и термина «государственная политика», автор приходит к выводу, что первоначально «бытие политики не проявляло себя в иных формах, кроме государственной политики». Однако «с развитием гражданского общества, демократии в условиях капитализма и буржуазного общества возник феномен общественной политики, наряду с государственной». В свою очередь, «в западной политологии получил распространение термин “публичная политика”, отождествляемый с государственной политикой» (Rodachin, 2021: 47).

В современной научной литературе все чаще рассматриваются различные аспекты общественной политики, и даже предлагаются к изучению учебные дисциплины (Grechneva, 2008). Исследователями выделяется политика государственных учреждений и их структурных подразделений, а также политика различных негосударственных учреждений и предприятий, профессио-

нальных и некоммерческих объединений, т.е. многочисленных гражданских организаций. В рамках таких учреждений в системе социального управления каждого из них образуется свой особый вид политики, соответствующий специфике этих учреждений и предназначенный для решения только их проблем. Например, это может быть политика финансового учреждения, политика промышленной компании, политика политической партии, политика движения за гражданские права, политика общества защиты животных и т.д. (Borisenkov, 2013).

Таким образом, понятие «политика» в современном научном дискурсе не ограничивается рамками деятельности только государства или совместной деятельности общества и государства. Соответственно, общественная политика и государственная политика выступают взаимосвязанными, но не тождественными категориями. Кроме того, наметилась тенденция исследования общественной политики как самостоятельной научной категории.

В национальном законодательстве операциональным выступает термин «государственная политика», а термин «общественная политика» вовсе не упоминается². Государственная политика регламентируется в различных сферах, что находит отражение в закрепленных основах, концепциях или стратегиях. Например, государственная политика в области ядерного сдерживания³ или экологического развития⁴. При этом отдельный акт, посвященный государственной политике в сфере противодействия преступности, не принят. Соответственно, вопросы государственной политики в сфере противодействия преступности на современном этапе развития нашего государства остаются

² При осуществлении поискового запроса в СПС «Консультант Плюс» с формулировкой «общественная политика» соответствий в разделе «Законодательство» не найдено.

³ Об Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания: Указ Президента РФ от 02.06.2020 № 355 // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

⁴ Основы государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 года: утв. Президентом РФ от 30.04.2012 // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

сугубо теоретическими и не нашедшими своего отражения в политико-правовых актах на государственном уровне.

В научной литературе последовательно поднимаются вопросы о необходимости разработки криминологического законодательства (Kabanov, 2018; Kleimenov, 2017; Orlov, 2016; Shestakov, 2013 et al). Кроме того, разрабатывались проекты федерального закона о предупреждении преступности. Так, в 1996 г. В. В. Лунеевым был опубликован проект закона «О предупреждении преступности» (Luneev, 1996), а в 2000 г. в Государственную думу РФ Правительством РФ был внесен проект федерального закона «Об основах государственной системы предупреждения преступлений» № 10090–3. Однако успехом такие попытки не увенчались. В настоящее время на общем уровне принят рамочный Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» от 23.06.2016 № 182-ФЗ, который не нацелен на предупреждение именно преступности, а также характеризуется существенной терминологической разобщенностью (Damm & Tarbagaev, 2023: 403).

В отсутствие в законодательстве общих концептуальных подходов к предупреждению преступности стали последовательно появляться отраслевые подходы к противодействию таким угрозам национальной безопасности, как терроризм, экстремизм и коррупция. Отчасти сложившаяся ситуация обусловлена острой потребностью защиты российского общества от этих особо опасных социальных явлений. Так, применительно к процессу формирования антикоррупционной политики РФ В. В. Астанин указывает, что «российские законоположения при определении коррупции традиционно развивались практически и базировались на анализе криминальной ситуации, связанной с коррупцией, и борьбы с ее проявлениями» (Astaniin, 2014: 27). Вместе с тем, несмотря на практико-ориентированный подход, на сегодняшний день в Федеральных законах «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 № 114-ФЗ, «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ и «О противодействии коррупции»

от 25.12.2008 № 273-ФЗ наблюдается формальная и содержательная консолидация понятийно-категориального аппарата.

В названных федеральных законах вся совокупность мер реагирования на угрозы национальной безопасности, перечисленные в наименованиях указанных правовых актов, обозначается как «противодействие», которое включает в себя в качестве ключевых самостоятельных направлений предупреждение и борьбу. Под предупреждением в названных законах понимается деятельность по выявлению и устранению причин соответствующих явлений (профилактика). В свою очередь, борьбу образует деятельность по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию соответствующих правонарушений.

Представленная система противодействия видовым проявлениям преступности вполне может выступить теоретической основой для формирования системы противодействия преступности в целом. Соответственно, родовой политикой в отношении иных политик воздействия на преступность становится *политика противодействия преступности*. В свою очередь, в структуре политики противодействия преступности можно выделить в качестве основных политику предупреждения преступности и политику борьбы с преступностью.

Политика предупреждения преступности имеет пока еще не оформившиеся содержание и структуру, но прочную криминологическую основу. В теории криминологии значимое внимание уделяется исследованию социальных детерминант преступности, изучению влияния социальной среды на развитие механизма преступного поведения (Nomokonov, 1989), анализируется цена преступности (Babaev & Afanaseva, 2012; Lopashenko, 2014), обосновывается теория предупреждения преступности. Общество признается полноправным субъектом предупреждения преступности. По мнению Ю. М. Антоняна, «общество – главнейший субъект профилактики, поскольку именно оно вырабатывает нравственные нормы, которые регулируют его жизнедеятельность, т.е. поведение людей» (Antonian, 2012: 185).

Резервы современного общества в вопросах предупреждения преступности пока еще не становились предметом глубоких криминологических или междотраслевых научных изысканий. При этом представляется очевидным, что в вопросах предупреждения преступности общество и его структуры обладают вполне самостоятельными культурными, экономическими, психолого-педагогическими и иными ресурсами. Воспитание, образование, просвещение, поддержка и взаимопомощь выступают базовыми средствами формирования социально ответственной личности, разделяющей ценности социума и значимость правомерного поведения. Еще в 1890 г. Габриель Тард отмечал, что «было бы ошибочно думать, что все народы, у которых находили местный обычай съедать пленников, приносить в жертву стариков, продавать или убивать новорожденных... жестоки от природы...» (Tarde, 2018: 151). Также он подчеркивал, что «все главнейшие акты общественной жизни совершаются под владычеством примера» (Tarde, 2018: 106). Соответственно, преступность есть продукт жизнедеятельности общества, находящегося на определенном этапе своего развития. Каковы в данном обществе нравы, такова и преступность.

В учебной криминологической литературе вопрос о приоритете предупреждения перед репрессией не ставится под сомнение. В своих работах А. И. Долгова отмечала «примат предупредительной деятельности над правоохранительной, а в предупредительной деятельности – примат мер по оказанию помощи нуждающимся в ней над предусмотренными законом ограничениями, приоритет мер убеждения перед принуждением» (Dolgorova, 2014: 437). Этот тезис выступает фундаментальной теоретической основой для построения системы противодействия преступности. Однако он так и не стал руководящим в практической деятельности.

Политика борьбы с преступностью соответствует содержанию научных представлений об уголовной политике. В научной литературе ряд авторов использует данные термины как синонимичные. Например, С. В. Максимов исходит из тождества ка-

тегорий уголовной политики и политики борьбы с преступностью, охватывающих систему взаимосвязанных профилактических, оперативно-разыскных, уголовно-правовых, уголовно-процессуальных, уголовно-исполнительных и иных мер нормотворческого, правоприменительного и организационного характера (Maksimov, 2017: 16).

В процессе эволюции представлений об уголовной политике вопросы о ее содержании по-разному отражались в воззрениях исследователей. Значительное число авторов весьма широко раскрывают содержание уголовной политики и относят к ней весь спектр мер воздействия на преступность. Так, А. А. Герцензон в уголовную политику включал не только специальные меры (криминалистические, уголовно-правовые, уголовно-процессуальные, исправительно-трудовые, криминологические), но и меры чисто социального характера (экономические, идеологические, медицинские и т.д.) (Gertsenzon, 1970: 179).

Столь широкое понимание уголовной политики разделяют далеко не все. А. И. Когорбеев считает, что «при таком подходе вся социальная политика автоматически превращается в политику уголовную <...>. Следует поэтому вывести меры общесоциального характера за рамки уголовной политики, оставив ей только то, что непосредственно направлено на борьбу с преступностью. В противном случае истинные цели и задачи, стоящие перед социальной политикой и ее составной частью – уголовной, будут искажены» (Kogorbeyev, 2019: 8). Обоснованной также представляется позиция Н. А. Беляева, который полагает, что «уголовная политика имеет отношение не ко всем направлениям борьбы с преступностью. При помощи ее государство направляет деятельность только органов, ведущих борьбу с преступностью с помощью наказания» (Beliaev, 1986: 15). Соответственно, политика борьбы с преступностью также включает в себя предупредительные меры, но только реализуемые правоохранительными органами. Таким образом, в структуре современного научного знания об уголовной политике доминирует позиция, согласно которой основным субъ-

ектом ее реализации является государство. Данное утверждение справедливо, поскольку борьбу с преступностью, т.е. выявление, пресечение, расследование преступлений, привлечение к уголовной ответственности, а также отбывание наказания обеспечивает государство в лице своих уполномоченных органов. Физические лица и их объединения в данном направлении имеют весьма ограниченные возможности, как правило, регламентированные положениями законодательства.

В сложившейся традиции реагирования на преступность деятельность уполномоченных государственных органов ориентирована преимущественно на криминализацию, пенализацию и последующее выявление, пресечение и расследование уже совершенных преступлений, но не на их комплексное предупреждение. Такое положение представляется вполне закономерным, поскольку правоохранительные органы ориентированы на изобличение преступника, привлечение его к ответственности и обеспечение отбывания наказания в случае назначения такового. Со времен Цезаре Беккариа известно, что неотвратимость наказания играет значимую роль в предупреждении преступлений, поскольку выполняет функции общей и частной превенции (Vessaglia, 2023). Однако предупредительные возможности репрессии весьма ограничены. Еще Энрико Ферри в работе «Уголовная социология» (1905 г.) отмечал, что «для защиты общества от преступности и для поднятия морального уровня населения самый малый прогресс в области социальных предупредительных мер стоит в сто раз больше, чем обнародование целого Уголовного кодекса» (Ferri, 2023: 303).

Предупреждение преступности имеет своей целью защиту системообразующих ценностей от преступных посягательств, а не поиск и привлечение к ответственности виновных лиц, когда таким ценностям зачастую уже причинен невосполнимый вред. В связи с этим актуализируются вопросы познания общественной политики противодействия преступности, ее содержания, субъектов, мер, а также механизмов взаимодействия с государством и его структурами.

Роль общественных организаций в предупреждении преступности активно исследовалась в советский период в силу вовлеченности общества в социально-экономическую и политическую жизнь через такие институты, как комсомол, партийные собрания, профсоюзы и другие образования. Особое внимание в рассматриваемый период уделялось формированию морально-нравственных качеств представителей советского общества. Массовая пропаганда правомерного поведения и осуждения противоправного осуществлялась посредством использования социального нормирования поведения, художественных произведений, кинематографа, театральных постановок, плакатов и других форм воздействия на сознание граждан с самого юного возраста. Старшее поколение, без сомнения, помнит детский мультипликационный фильм И. С. Аксенчукова «Дядя Степа – милиционер» по одноименному стихотворению С. В. Михалкова, в котором добрый милиционер помогал и защищал слабых. И автор настоящего исследования хорошо помнит, что в начале 80-х годов прошлого века, возвращаясь без сопровождения взрослых из начальной школы, открывал входную дверь в квартиру ключом, надежно хранившимся под ковриком снаружи дома.

В Моральном кодексе строителя коммунизма ко взрослому поколению предъявлялись такие требования, как высокое сознание общественного долга, нетерпимость к нарушениям общественных интересов, а также неприятие несправедливости, тунеядства, нечестности, карьеризма, стяжательства (Moral code, 1962). К слову сказать, лидер КПРФ Г. А. Зюганов отметил: «когда я положил Моральный кодекс строителей коммунизма рядом с Нагорной проповедью, оказалось, что мы переписали Кодекс из Библии, но написали хуже – в Библии написано лучше» (Ziuganov, 2012). В данном контексте следует отметить, что религиозные нормы во многих типах общества имеют значимый потенциал для сдерживания совершения преступлений (Kleimenov & Kleimenov, 2019).

С одной стороны, такая активность советских общественных структур – резуль-

тат системной государственной политики советского государства по привлечению общественных структур к вопросам предупреждения антисоциальных явлений. С другой стороны, у общественных организаций в демократических обществах также есть возможности влиять на общественные процессы как напрямую, так и через политику государства в различных сферах, в том числе и в вопросах предупреждения преступности. Проходя стажировку в Германии в 2000 г., автор также заметил, что некоторые немецкие пенсионерки хранят ключи от входной двери под ковриком в доме, который даже не огорожен высоким забором.

В России времена Перестройки и формирования нового общественно-политического устройства привели к уничтожению названных советских общественных структур, утрате идеологической основы функционирования общества и государства, а также их общей задачи – искоренению преступности. Также утратили свое значение названные выше способы формирования гражданской самоидентификации и правовой культуры.

Построение новой государственности обнажило проблему поиска общенародной идеологии, гражданской идентичности, а также развития в современной России институтов гражданского общества. Смещение ценностных установок с приоритета коллективных интересов на индивидуальные привело к дезориентации граждан в вопросах выбора модели поведения, в том числе и преступного. Кроме того, наблюдаемые на рубеже веков разгул организованной преступности и коррумпированность правоохранительных органов существенно повлияли на общественные установки в части готовности к взаимодействию с государством в вопросах предупреждения преступности.

В современной парадигме взаимодействия общества и государства в вопросах противодействия преступности наблюдается недоверие государственным институтам, а также инфантильность общества, вверившего себя заботам государства. Однако государство не существует вне социума, и государственная власть образуется из различных представителей соответствующего обще-

ства, действующих именно в этом обществе. Иждивенческая позиция личности и общества в вопросах обеспечения безопасности, когда «государство всё и всем должно», является изначально проигрышной стратегией для всех субъектов политически организованного общества. Как отмечает Д. А. Шестаков, «из осознания преступности в качестве неотъемлемого свойства, неременной спутницы человеческой истории вытекает концепция сосуществования с ней и цивилизации государственной реакции на нее. Принцип “начни с себя” в совершенствовании отношений между государством и лицами, нарушающими уголовный закон, быть может, приведет не только к повышению престижа власти и общества в целом, но и к уменьшению злостности преступников, к понижению опасности преступного мира» (Shestakov, 2006: 140).

Обеспечение антикриминальной безопасности личности, общества и государства выступает одной из значимых функций государства. В свою очередь, неспособность государства реализовывать данную функцию приводит к неизбежному социальному конфликту, который проявляется в единичных или массовых актах самосуда, гражданской самообороны и иных формах неповиновения и самоуправства. Такие проявления гражданской активности свидетельствуют не только о сбоях в механизме государственного управления системой противодействия преступности, но также о наличии у общества возможностей самостоятельно обеспечивать восстановление социальной справедливости, пусть даже противоправным путем и вопреки воле государства, вплоть до смены государственного режима.

Политика противодействия преступности представляет собой совместную управляющую деятельность общества и государства, в которой государство обеспечивает справедливое распределение ресурсов и защиту общества от криминальных угроз и опасностей. В свою очередь, общество обеспечивает поддержание духовно-нравственного развития и патриотизма в своих структурах, а также обладает реальными возможностями контроля за деятельностью государства.

Политика противодействия преступности реализуется различными методами и средствами. В теории права все многообразие средств правового регулирования традиционно сводится к правовым стимулам и ограничениям (Malko, 1998: 134–135). Проецируя данную идею на предупреждение преступности, Н. В. Щедрин отмечал, что «деятельность по предупреждению преступлений можно представить как двухсторонний процесс: с одной стороны, целенаправленное включение объекта в общественно полезные связи-отношения, а с другой – воспрепятствование вступлению в криминогенные» (Shchedrin, 1999: 8–9). И если политике предупреждения преступности свойственны методы стимулирования, то политике борьбы с преступностью – принуждения и ограничения. При этом в политике предупреждения преступности ведущая роль принадлежит обществу при участии государства, а в политике борьбы с преступностью – наоборот. Заметим, что неправомерное присвоение представителями общества полномочий по принуждению имеет крайне негативные последствия и должно пресекаться государством в лице его уполномоченных органов.

Таким образом, государство и общество, в разной степени участия, вместе реализуют политику предупреждения преступности и политику борьбы с преступностью. Соответственно, в зависимости от основного субъекта реализации политики противодействия преступности представляется возможным выделить общественную политику противодействия преступности и государственную политику противодействия преступности.

Общественная политика противодействия преступности характеризуется использованием обществом и его структурами механизмов самоуправления с применением методов стимулирования и поощрения духовно-нравственного, культурного развития, образования и просвещения, включения представителей социума в социально полезную деятельность, социальную защиту и охрану от преступных посягательств, а также реабилитацию жертв. Ключевым направлением общественной политики противодействия преступности выступает профилактика

преступных проявлений. Общество также вполне может принимать участие в управлении механизмами вовлечения граждан в процессы осознанного и правомерного участия в выявлении, пресечении и расследовании преступлений и иных форм содействия государству в борьбе с преступностью. Однако участие общества и его структур в борьбе с преступностью может осуществляться только с ведома и под контролем государства. Общественная политика противодействия преступности реализуется через различные общественные организации, в том числе религиозные, трудовые коллективы и профессиональные союзы и иные структуры общества.

Особую роль в общественной политике противодействия преступности имеет научная политика, а именно криминологическая и уголовная. Проблемой современного уголовного законодательства выступает обособленность, закрытость и политизированность процессов принятия материальных и процессуальных норм, обеспечивающих борьбу с преступностью. Конечно, можно утверждать, что изменения уголовного законодательства принимаются представительным органом – Федеральным собранием Российской Федерации, а значит, такие изменения проходят верификацию народного представительства. Однако что в ядерной физике, что в уголовном нормотворчестве необходимы системность, стратегичность и научная обоснованность. Иначе может случиться так, что достижение ядерной физики – оружие массового поражения – окажется в руках у преступников. Поэтому обеспечение гарантированного взаимодействия научной общественности и публичных органов власти – необходимое условие формирования научно обоснованной политики противодействия преступности.

Государственная политика противодействия преступности характеризуется выстраиванием механизмов управления оперативным выявлением криминальных угроз и опасностей для личности, общества и государства, прогнозированием тенденций их развития, а также своевременным принятием комплекса правовых, информационных, организационных и иных мер, необходимых

для их нейтрализации. Государство обладает всеми необходимыми ресурсами для обеспечения как политики предупреждения преступности, так и политики борьбы с преступностью. Однако если в вопросах борьбы с преступностью государство обладает монополией на осуществление принуждения и восстановление социальной справедливости, то в вопросах предупреждения полномочий государства без поддержки общества недостаточно. Особенно ярко эта зависимость проявляется в вопросах образования и воспитания, закладывающих основу правомерного поведения.

В структуре политики противодействия преступности особое значение играют такие объекты воздействия, как образовательные организации. Именно на эти объекты должны быть направлены первоочередные меры государственной и общественной политики противодействия преступности, поскольку от детского сада до университета государство и общество совместно формируют знания, навыки и умения подрастающего поколения. Государство определяет требования к образовательным программам, а семья и ближайшее окружение формируют базовые социальные установки. Самоустранение образовательных организаций от процесса воспитания обучающихся приведет к необратимым последствиям и выхолащиванию целей образования.

Зигмунду Фрейдю приписывается утверждение, что все проблемы родом из детства. И с этим трудно не согласиться. Общество и государство совместно участвуют в массовом воспроизводстве подрастающих граждан – представителей социума. И в этом контексте уместным представляется завершить рассуждения библейской истиной – «что посеет человек, то и пожнет» (Гал. 6:7).

Заключение

Современный этап развития научных представлений о системе противодействия преступности и политике управления ею следует отнести к переходному. Несмотря на высокую социально-политическую значимость, фундаментальные научные исследования, посвященные вопросам определения

понятия, сущности, содержания, субъектов и основных направлений политики противодействия преступности практически отсутствуют. За рамками предметных научных исследований остается и система противодействия преступности как целостный механизм, обеспечиваемый различными отраслями научного знания, а также отличными по своему функционалу государственными органами и социальными институтами. Такое положение обусловлено, с одной стороны, сложной междисциплинарной природой политики как научной категории, аспекты которой исследуются в философии, политологии, социологии, психологии, экономике и юриспруденции. С другой стороны, непрерывно осуществляется изучение феномена преступности, процессов ее детерминации и предупреждения.

В отсутствие сложившегося концептуального подхода к пониманию целей и задач, субъектов, а также определению содержания и стратегического планирования государственной политики в сфере противодействия преступности система предупреждения преступности движется по рельсам, заложенным еще в советский период. При этом репрессивная составляющая политики предупреждения преступности сохранилась, а массовое участие общественных структур в вопросах общесоциального предупреждения преступности практически утрачено.

В советской и современной криминологической учебной литературе общество последовательно признается самостоятельным субъектом предупреждения преступности с существенной разницей в детализации форм участия в предупредительной деятельности. Сложившаяся ситуация вполне закономерна, поскольку советские многоуровневые институты общественно-политического самоуправления разрушены, а новые пока еще недостаточно развиты. Кроме того, уровень доверия общества к государственным структурам и правоохранительным органам пока еще не достиг показателей, необходимых для конструктивного диалога.

Нынешний этап развития воззрений об обществе и государстве представляет собой, по сути, процесс количественного

накопления знаний о различных аспектах противодействия преступности для перехода на качественно новый уровень развития. Поэтому особую актуальность в аспекте осмысления политики противодействия преступности приобретает исследование роли общества и его структур в механизмах воздействия на преступность.

Перспективным направлением, консолидирующим противоречия научных подходов и положений законодательства, может стать политика противодействия преступности, объединяющая в себе политику предупреждения преступности (криминологическую политику) и политику борьбы с преступностью (уголовную политику).

В политике предупреждения преступности ведущая роль принадлежит обществу, представляющему собой сложную саморазвивающуюся систему, свойством которой выступает воспроизводство различных по своему содержанию общественно опасных деяний. В определении содержания уголовной политики ведущая роль принадлежит

государству, которое призвано своевременно выявлять значимые для современного этапа исторического развития общества и государства криминальные угрозы и опасности, обеспечивать их нейтрализацию с использованием средств уголовно-правового воздействия. Учитывая то, что общество и государство выступают взаимосвязанными субъектами противодействия преступности, представляется перспективным исследование общественной политики противодействия преступности как самостоятельной научной категории, а также изучение ее взаимодействия и взаимосвязей с государственной политикой.

Целью политики противодействия преступности выступает обеспечение криминологической безопасности личности, общества и государства, в которой приоритетным направлением должна стать защита и охрана системообразующих ценностей от преступных посягательств, но не репрессия. В свою очередь, противодействие преступности – сфера солидарной ответственности общества и государства.

Список литературы / References

- Alekseev S. S. (ed.) *Problemy teorii gosudarstva i prava [Problems of the theory of state and law]*. Moscow, 1979. 392 p.
- Antonian Iu. M. *Kriminologiya [Criminology]*. Moscow, 2012. 523 p.
- Astanin V. V. *Antikorrupcionnaia politika Rossii. Kriminologicheskie aspekty [Russia's anti-corruption policy. Criminological aspects]*. Moscow, 2014. 255 p.
- Babaev M. M. & Afanaseva O. R. *Sotsialnye posledstviia i tsena prestupnosti [Social consequences and the price of crime]*. Moscow, 2012. 125 p.
- Babaev M. M. & Pudovochkin Iu. E. *Problemy rossiiskoi ugovlovnoi politiki [Problems of Russian criminal policy]*. Moscow, 2014. 296 p.
- Beccaria C. *O prestupleniiakh i nakazaniiakh [On crimes and punishments]*. Moscow, 2023. 183 p.
- Beliaev N. A. *Ugovlovno-pravovaia politika i puti ee realizatsii [Criminal law policy and ways of its implementation]*. Leningrad, 1986. 175 p.
- Boiko A. I. *Ugovlovnaia politika [Criminal policy]*. Rostov-on-Don, 2008. 192 p.
- Borisenkov A. A. О политике, ее сущности и видах [On politics, its essence and types]. In: *Problemy obshchestva i politiki [NB: Problems of society and politics]*, 2013, 4, 82–110.
- Dagel P. S. *Problemy sovetskoi ugovlovnoi politiki [Problems of Soviet criminal policy]*. Vladivostok, 1982. 124 p.
- Damm I. A. & Tarbagaev A. N. Politika protivodeistviia prestupnosti: voprosy poniatiino-kategorialnogo apparata [Crime prevention policy: issues of conceptual and categorical apparatus]. In: *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal [All-Russian Journal of Criminology]*, 2023, 17(5), 397–410. DOI 10.17150/2500–4255.2023.17(5).397–410.
- Dictionary, 2001 – *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar [Philosophical Encyclopedic Dictionary]*. Moscow, 2001. 576 p.

- Dolgova A. I. (ed) *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow, 2014. 1008 p.
- Drobyshevskii S. A. *Politicheskaya organizatsiya obshchestva i pravo kak yavlenie sotsialnoi evoliutsii* [Political organization of society and law as a phenomenon of social evolution]. Moscow, 2015. 272 p.
- Duiunov V. K. Tseli gosudarstvennoi politiki v sfere protivodeistviia prestupnosti [Objectives of the state policy in the field of combating crime]. In: *Evraziiskii Soiuz Uchenykh. Seriya: ekonomicheskie i iuridicheskie nauki* [Eurasian Union of Scientists. Series: Economic and legal sciences], 2021, 7, 22–30. DOI 10.31618/ESU.2413–9335.2021.1.88.1417.
- Ferri E. *Ugolovnaia sotsiologiya* [Criminal sociology]. Moscow, 2023. 658 p.
- Gertsenzon A. A. *Ugolovnoe pravo i sotsiologiya. Problemy sotsiologii ugolovnogo prava i ugolovnoi politiki* [Criminal law and sociology. Problems of sociology of criminal law and criminal policy]. Moscow, 1970. 288 p.
- Gobozov I. A. Obshchestvo i gosudarstvo: ikh vzaimodeistvie [Society and the state: their interaction]. In *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and Society], 2011, 2, 5–22.
- Gorshenkov G. N. Antikriminalnaia politika v kontekste obshcheteoreticheskoi nauki o kriminalne [Anti-criminal policy in the context of the general theoretical science of crime]. In: *Iuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii* [Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2016, 3, 300–302.
- Grechneva E. F. *Obshchestvennaya politika i upravlenie v Respublike Belarus* [Public policy and management in the Republic of Belarus]. Minsk, 2008. 120 p.
- Idrisova M. A. *Transformatsiya politicheskoi sistemy obshchestva v epokhu globalizatsii (teoretiko-pravovoe issledovanie)* [Transformation of the political system of society in the era of globalization (theoretical and legal research)], Abstract of PhD diss., Kazan, 2003. 22 p.
- Kabanov P. A. O kodifikatsii rossiiskogo kriminologicheskogo zakonodatelstva: rassuzhdeniia po sluchaiu [On the codification of Russian criminological legislation: reasoning on the occasion]. In: *Kriminologiya: vchera, segodnia, zavtra* [Criminology: yesterday, today, tomorrow], 2018, 1, 21–25.
- Kleimenov M. P. & Kleimenov, I. M. Ugolovno-pravovoe reagirovanie v istoricheskom aspekte [Criminal law response in a historical aspect]. In: *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo"* [Bulletin of Omsk University. The series "Law"], 2019, 16 (4), 149–161. DOI: 10.24147/1990–5173.2019.16(4).149–161.
- Kleimenov M. P. Kriminologicheskoe zakonodatelstvo [Criminological legislation]. In: *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo* [Bulletin of Omsk University. Series: Law], 2017, 1, 179–184.
- Korobeev A. I. Ugolovno-pravovaya politika Rossii: ot genezisa do krizisa [Criminal law policy of Russia: from genesis to crisis]. Moscow, 2019. 352 p.
- List, F. *Zadachi ugolovnoi politiki. Prestuplenie kak sotsialno-patologicheskoe yavlenie* [The tasks of criminal policy. Crime as a socio-pathological phenomenon]. Moscow, 2023. 104 p. (S. 7–8)
- Lopashenko N. A. (ed) *Tsena prestupnosti (metodologiya ee opredeleniia)* [The price of crime (methodology of its definition)]. Moscow, 2014. 213 p.
- Luneev V. V. K proektu zakona o preduprezhdenii prestupnosti [On the draft law on crime prevention]. In: *Gosudarstvo i pravo* [State and law], 1996, 11, 41–43.
- Maksimov S. V. Noveishaia ugolovnaia politika Rossii: opyt i uroki nepreryvnogo reformirovaniia [The latest criminal policy of Russia: experience and lessons of continuous reform]. In: *Probely v rossiiskom zakonodatelstve* [Gaps in Russian legislation], 2017, 4, 16–22.
- Malinin V. B. (ed) *Poniatie ugolovnogo prava* [The concept of criminal law]. In: *Entsiklopediia ugolovnogo prava* [Encyclopedia of Criminal Law]. St. Petersburg, 2005, 695 p.
- Malko A. V. Stimuly i ogranicheniia v prave [Incentives and restrictions in law]. In: *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie* [Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie], 1998, 3, 134–147.
- Maslov V. A. Ugolovno-pravovaya politika: definitsiia i mesto v strukture ugolovnoi politiki [Criminal law policy: definition and place in the structure of criminal policy]. In: *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiiskoi akademii nauk* [Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences], 2021, 6 (5), 104–123. DOI 10.35427/2073–4522–2021–16–5-maslov.

Moral code – *Moralnyi kodeks stroitelia kommunizma* [The moral code of the builder of Communism]. Alma-Ata, 1962. 29 p.

Nomokonov V. A. *Prestupnoe povedenie: determinizm i otvetstvennost* [Criminal behavior: determinism and responsibility]. Vladivostok, 1989. 160 p.

Nomokonov V. A. Antikriminalnaia politika: metodologicheskie i npravstvennye osnovy [Anti-criminal policy: methodological and moral foundations]. In: *Aziatsko-Tikhookeanskii region: ekonomika, politika, parvo* [Asia-Pacific region: economics, politics, law], 2023, 25 (3), 106–116. DOI: 10.24866/1813–3274/2023–3/106–116.

Orlov V. N. *Osnovy kriminologicheskogo prava* [Fundamentals of criminological law]. Moscow, 2016. 668 p.

Raianov F. M. *Problemy teorii gosudarstva i prava (iurisprudentsii)* [Problems of the theory of state and law (jurisprudence)]. Moscow, 2003. 303 p.

Rarog A. I. Zakonodatelnye ataki na ustoi ugolovnogo prava [Legislative attacks on the foundations of criminal law]. In: *Gosudarstvo i parvo* [State and law], 2013, 1, 24–32.

Rodachin V. M. Fenomen gosudarstvennoi politiki: sushchnost i vidy [The phenomenon of state policy: essence and types]. In: *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta* [Humanities. Bulletin of the Financial University], 2021, 11 (6), 46–53. DOI 10.26794/2226–7867–2021–11–6–46–53.

Shatalov E. A. K voprosu o gosudarstve i politicheskoi sisteme obshchestva [On the question of the state and the political system of society]. In: *Gosudarstvennaia vlast i mestnoe samoupravlenie* [State power and local self-government], 2022, 7, 15–19. DOI 10.18572/1813–1247–2022–7–15–19.

Shchedrin N. V. *Osnovy obshchei teorii preduprezhdeniia prestupnosti* [Fundamentals of the general theory of crime prevention]. Krasnoyarsk, 1999. 58 p.

Shchepkin S. S. “Politika” i “parvo”: sootnoshenie poniatii [“Politics” and “Law”: correlation of concepts]. In: *Pravo i politika: istoriia i sovremennost* [Law and politics: history and modernity]. Omsk, 2016, 188–190.

Shestakov D. A. *Kriminologiya. Nove podkhody k prestupleniiu i prestupnosti. Kriminogennye zakony i kriminologicheskoe zakonodatelstvo. Protivodeistvie prestupnosti v izmeniaiushchemsia mire* [Criminology. New approaches to crime and criminality. Criminogenic laws and criminological legislation. Countering crime in a changing world]. St. Petersburg, 2006. 561 p.

Shestakov D. A. Kriminologicheskoe zakonodatelstvo i pravo protivodeistviia prestupnosti [Criminological legislation and the law of combating crime]. In: *Kriminologiya: vchera, segodnia, zavtra* [Criminology: yesterday, today, tomorrow], 2013, 1, 47–50.

Tarde G. *Prestupnik i prestuplenie. Sravnitelnaia prestupnost. Prestupleniia tolpy* [The criminal and the crime. Comparative crime. Crimes of the crowd]. Moscow, 2018. 391 p.

Ziuganov 2012 – G. Ziuganov: *Kodeks stroitelei kommunizma my plokho spisali s Biblii* [G. Zyuganov: We badly copied the Code of the Builders of Communism from the Bible]. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/01/02/2012/5703f29c9a7947ac81a64746> (accessed December 9, 2023).